ВЕДУНЬЯ
КРЕСТ-ШТУРВАЛ

Книга четвёртая

Ирина Бодякшина

Ирина Бодякшина

Ведунья. Крест-штурвал. Книга четвёртая

https://litres.ru/74755517
SelfPub; 2026

Аннотация

Вода всегда забирает долг.

Ирина знала это с пяти лет, когда захотела, чтобы сестра исчезла. Она думала, что закрыла дверь. Она думала, что тьма стала памятью. Но прошлое не отпускает.

Нить в руках Ани чернеет. Артём привозит карту с крестом в центре леса. А старый крест-штурвал на шее Ирины начинает нагреваться. В доме снова пахнет тиной и земляничным мылом.

То, что было до них. То, что старше тьмы. Оно хочет имя.

И дверь, которую они закрыли, была открыта изнутри.

Содержание

Пролог. Та, что открыла дверь 5
Глава 1. Дверь, которую открыли изнутри 7
Глава 2. Нить, которая почернела сама 13
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Ирина Бодякшина
Ведунья. Крест-штурвал. Книга четвёртая

Название: Ведунья. Крест-штурвал. Книга четвёртая
Автор(-ы): Ирина Бодякшина
Ссылка: https://author.today/work/673313

Пролог. Та, что открыла дверь

Вода всегда забирает долг.

Мне было пять, когда я поняла, что слово может убить. Мы сидели на краю сруба. Лиза, ей было три, вцепилась в деревянную лошадку.– Моё, – прошепелявила она, тянувшись к уху, которое отломилось ещё в прошлом году. – Не твоё. Бабушка вырезала.Я дёрнула. Дерево треснуло. Лиза завизжала. Высоко, на той самой ноте, от которой у матери лопались сосуды в глазах.Я ненавидела этот звук. Ненавидела её мокрые губы и то, как она забирала весь воздух вокруг. Я захотела, чтобы она исчезла. Не навсегда. На пять минут. Чтобы мама вышла, обняла меня и сказала, какая я хорошая девочка.Я зажмурилась. Представила, как тень Лизы отрывается от земли, сворачивается в чёрный комок и падает в чёрную воду на дне. «Исчезни», – подумала я.Лиза замолчала. Звук оборвался, словно перерезали струну. Я открыла глаза. Она стояла на краю. Там, где только что была пустота. Посмотрела на свои босые ноги. Сделала шаг. Прямо.Глухой, мокрый всплеск раздался не снаружи. Он раздался у меня в черепе. Тишина. Густая, пахнущая мокрым железом и прелой листвой.Бабушка вытащила меня. Одну. Её лицо было белым, как известь. Она перекинула меня через край сруба. Моё тело было чужим, тяжёлым. А потом она посмотрела вниз.Она не закричала. Она села на край, свесив ноги туда,

где только что стояла моя сестра. Её сухие ладони пахли дымом и рыбьей чешуёй. Прижала мою голову к своей юбке, пахнущей хозяйственным мылом, и начала раскачиваться.– Тише, Иришка, – шептала она. – Тише, голубка. Спи.Я не знала, что закрыла. Не знала, что открыла.Год тишины.Я думала, что мы закрыли дверь. Я думала, что тьма стала памятью. Но сегодня утром я проснулась от того, что крест-штурвал на моей шее стал тёплым. Он был холодным год. Ледяным. А сегодня тёплым. Как рука, которую только что разжали.Я сняла его. Положила на стол. Рядом лежала карта, которую вчера привёз Артём. Старая, пахнущая мокрым ситцем и земляничным мылом. Тем самым запахом из детства, от которого сводило зубы.На карте был лес. Тот самый. За скитом. Где мы были год назад. Но в центре леса стоял крест. Тот же, что у меня на шее. И надпись: «Здесь вход. Не открывай. Пока не придёт та, кто отпустит».Дверь, которую мы закрыли, была открыта изнутри. И та, кто её открыла, всё ещё там. Ждёт.Она не стучит. Она дышит. Я слышу, как под полом перекатывается вода. Ровно. Глубоко. Как дышит тот, кто наконец-то вернулся домой.Я сжала крест в кулаке. Он был тёплым. Опять.

Глава 1. Дверь, которую открыли изнутри

Крест-штурвал лежал на столе. Тёмный, тяжёлый, с четырьмя отверстиями в перекладинах. Ирина привыкла к его холоду, к тому, как он царапает ключицу. Но в то утро крест был тёплым.Она поняла это сразу, как только проснулась. Тепло шло не от кожи и не от одеяла, а от самой вещи. От той, что она сняла с прабабкиного сундука год назад. Ирина села на кровати, сняла цепочку и положила крест на ладонь. Он был тёплым, как рука, которую только что разжали. Год назад, когда она нашла его в сундуке, крест был ледяным. Она тогда чуть не выбросила его, думала, просто старая побрякушка. Но рука не поднялась. Теперь Ирина понимала: крест сам не дал себя выбросить.– Ты чего? – Иван поднял голову от печи. Он всегда спал у огня, говорил, что свет – это память. Ирина не спорила.– Крест, – сказала она. – Он тёплый.Иван подошёл, посмотрел, но не коснулся.– Ты его трогала?– Нет. Я спала.Иван долго молчал, а потом сказал:– Значит, сам.В этом доме слово «сам» давно перестало быть страшным. Оно значило, что род не спит.К вечеру приехал Артём. Обычно он привозил продукты раз в неделю, но в этот раз приехал раньше. Вошёл в дом, не снимая куртки, и бросил на стол свёрток.– Смотрите, что я нашёл.Ирина раз-

вернула. Внутри была старая карта. Не современная распечатка, а кусок плотной бумаги, пожелтевшей от времени, с обтрёпанными краями. На ней был тот самый лес за скитом, где они были год назад. Но в центре леса, там, где не было ни поляны, ни колодца, стоял нарисованный от руки крест. Рядом выцветшими чернилами была выведена надпись: «Здесь вход. Не открывай. Пока не придёт та, кто отпустит».Ирина смотрела то на карту, то на свой крест. Они были одинаковые. Тот же тёмный металл, те же четыре отверстия, та же форма штурвала.– Откуда это? – спросила она.Артём сел на лавку. Он выглядел уставшим, как человек, который носит на плечах что-то тяжёлое и не может сбросить. Он вытащил карту из внутреннего кармана, и на пожелтевшей бумаге остались темные пятна от его пальцев.– В городе, в антикварной лавке. Я искал старые карты для архива, а продавец сказал, что это принесли вместе с вещами из старого дома. Я потом проверил – это тот самый дом. Из Пилюгино.У Ирины перехватило дыхание. Пилюгино. Тот самый дом, где год назад они нашли икону и книгу памяти. Она вспомнила запах, который шёл от почерневших плах в том разрушенном доме. Сладковатый, как прошлогоднее яблоко в сырой траве.– Дай сюда, – сказала Ирина.Она поднесла карту к лицу. От неё пахло не только бумагой, но и старой иконой – тленом, ладаном и гнилью прошлогоднего яблока. Крест на её шее стал ледяным.Аня пришла позже. Она жила в соседней деревне, но каждый день приходила к Ирине, потому что

нить, которую она пряла, становилась тоньше, если она не приходила. Она села на пол у печи, достала веретено и начала прясть. Когда она пряла, мир становился тише, а шёпот, который она слышала с детства, отступал. Оставалась только ровная, серая нить.– Что это? – спросила Аня, кивнув на карту.– Дверь, – сказала Ирина. – Ещё одна.Аня посмотрела на крест в её руке, потом на карту, потом снова на крест.– Он у тебя тёплый?Ирина кивнула.– Нить к нему тянется, – тихо сказала Аня. – Как тогда, к Ивану.Ирина посмотрела на неё. В ските, год назад, эта нить уже спасла их. Она натянулась между ними, как струна, и не дала двери закрыться.Аня вдруг почувствовала, что её пальцы стали холодными. Она посмотрела на веретено. Нить, которая только что была серой, стала чёрной, будто кто-то вылил в неё чернила. Аня дёрнула веретено, нить натянулась и лопнула. В доме стало тихо.– Аня? – позвала Ирина.Аня не отвечала. Она смотрела на свои чёрные пальцы и думала, что это она виновата, что это её руки испортили нить. Она хотела что-то сказать, но голос не шёл.Ирина подошла, присела рядом и взяла её руку.– Это не ты, – сказала она.– А кто? – прошептала Аня.Ирина посмотрела на крест. Он стал ледяным.– Это она. Та, что помнит.

«Она уже здесь».

Аня разжала кулак. На её ладони лежала горсть соли, и она не помнила, как взяла её. Соль была белой, но когда Аня поднесла её к веретену, она начала темнеть. Медленно, кру-

пинка за крупинкой, будто кто-то невидимый дышал на неё из темноты. Аня сжала соль в кулаке, почувствовала, как она холодит кожу.– Она уже здесь, – прошептала девочка. – Она в доме.В наступившей тишине Ирина вдруг услышала шорох. Не мистический, не из-под пола. Обычный, земной. В углу, у самого сундука, возилась мышь. Маленькая, серая, с черными глазами-бусинами, которые блеснули в свете печи. Она вылезла из щели и деловито тащила в норку сухую хлебную корку. Это было настолько обыденно, что Ирина на секунду перестала чувствовать холод.Иван посмотрел в угол.– Домовой, – сказал он. – К добру. Если мыши уходят — значит, дом пустой. А раз она здесь, значит, дом живой.Ирина смотрела на мышь. Та, почувствовав взгляд, замерла, подергала усами и юркнула обратно в щель, унося свою корку.– Дом живой, – повторила Ирина. – А это значит, что мы ещё можем его удержать.Она посмотрела на Аню. В глазах девочки всё ещё стоял страх, но теперь к нему примешивалось что-то ещё. Надежда.Ночью Ирина не спала. Она сидела у печи, держала крест в руке и смотрела на огонь. Иван спал рядом, Артём на лавке, Аня свернулась клубком на полу. Ирина думала о том, что год назад она закрыла дверь и решила, что это конец. Но теперь она понимала, что это было начало. Дверь, которую они закрыли, была открыта изнутри, и та, кто её открыла, всё ещё там. Ждёт.Крест в её руке потеплел. Ирина поднесла его к огню и в свете печи увидела на металле стёртые, но читаемые буквы.Т. О. Т. А.Она не по-

няла, что это значит, но поняла другое: крест – это не просто оберег, а ключ. И этот ключ был у неё на шее уже год.Ирина прислушалась. Под полом было тихо, но не так, как обычно. Вода больше не перекатывала гальку, не шуршала. Она стояла неподвижно, будто ждала. Ирина опустилась на колени и приложила ухо к половицам. Сквозь дерево она услышала дыхание. Ровное, глубокое, как у спящего человека. Только это был не человек. Это дышала вода.

«Это дышала вода»

Она сжала крест в кулаке. В тот же миг за окном, в темноте, кто-то тихо скрипнул половицей на крыльце. Ирина подняла голову, Иван тоже. Аня не проснулась, но во сне сжалась ещё сильнее.Ирина встала и подошла к двери. Остановилась в шаге. За дверью стояла такая плотная тишина, что казалось, она давит на доски.– Кто там? – спросила Ирина.Ответа не было. Только вода под полом перекатывалась, глухая и тяжёлая, будто под домом открылась ещё одна чаша. Ирина положила ладонь на дверь. Дерево было холодным, но сквозь холод она почувствовала тепло. С той стороны, будто кто-то стоял и грел доску ладонью. Она отступила.

«Соль была ледяной и не таяла»

Ирина посмотрела на свою ладонь. На ней остался тонкий слой соли, крупной и серой, будто кто-то с той стороны стоял в солёной воде и держался за дверь. Ирина потерла пальцы. Соль была ледяной и не таяла. Она поднесла руку к лицу. Пахло морем, не просто водой, а глубокой застоявшейся

тиной, которая бывает на дне, куда не достаёт солнце.– Не открывай, – сказал Иван.– Я знаю.– Пока не придёт та, кто отпустит.Ирина обернулась. Иван стоял у печи, в его глазах отражался огонь и что-то ещё. Страх. Не за себя, за неё.– Кто она? – спросила Ирина. – Та, что отпустит?Иван долго молчал, а потом сказал:– Я не знаю. Но она уже здесь. Она была здесь всегда, просто мы не видели.Ирина снова посмотрела на крест, на буквы, на тёмный металл. Она не знала, что они значат, но знала: это не конец. Это начало.И где-то глубоко под полом, в чёрной воде, которая помнит всё, что-то шевельнулось. Медленно и тяжело, будто просыпалось. Ирина закрыла глаза и в темноте за веками увидела лицо. Не своё, не Лизы, не Ивана. Чужое, очень старое и очень знакомое. Она открыла глаза.– Завтра, – сказала она. – Мы пойдём туда.– Куда? – спросил Артём, просыпаясь.– К кресту. На карте.Иван не спорил, Артём тоже. Аня не проснулась, но её пальцы, чёрные от нити, сжались в кулаки.Ирина сжала крест. Он был тёплым. Снова.

Глава 2. Нить, которая почернела сама

Ночь прошла без сна. Ирина так и не сомкнула глаз, сидя у печи с крестом в кулаке. За окном светало, но тишина стояла такая, что казалось, весь мир затаился. Иван спал рядом, Артём на лавке, Аня свернулась клубком на полу, и её пальцы, чёрные от нити, были сжаты в кулаки. Даже ветер, который обычно гудел в трубе, стих.

Ирина смотрела на крест, на буквы «Т. О. Т. А», на царапины, которые она не замечала раньше. «Та, что отпустит», думала она. «Кто она?». Ответа не было, только вода под полом перекатывалась, глухая и тяжёлая, будто под домом открылась ещё одна чаша. Ирина закрыла глаза, и в темноте за веками она снова увидела лицо. Чужое, очень старое и очень знакомое. Она открыла глаза. Крест был тёплым. Опять.

Утром на пороге лежала соль. Не рассыпанная, а размытая. Тёмная полоса у самой двери, как будто кто-то прошёл по ней мокрыми ногами. Ирина присела и провела пальцем. Соль была холодной, как вода в колодце. Она не стала будить остальных, просто взяла тряпку, стёрла разводы и насыпала новую горсть из мешочка, толстым слоем, как бабушка учила.

Вернувшись в дом, Ирина застала Аню у печи. Девочка не

пряла, она просто смотрела на веретено, и её пальцы были чёрными до второй фаланги.

– Это не отмывается, – сказала Аня, не оборачиваясь. – Мылом, золой, песком.– Это не грязь, – сказала Ирина.– Я знаю. Она жжётся. Как крапива.

Ирина села рядом и взяла Анину ладонь. На тыльной стороне, там, где кожа тоньше всего, проступал узор: тёмно-синие прожилки, похожие на корни деревьев, тянулись от пальцев к запястью.– Она тянет, – сказала Аня. – Я чувствую. Вниз. К воде.

Ирина посмотрела на крест, лежащий на столе. Тёплый, как рука.– Крест тоже греет, – сказала она.Аня подняла голову, посмотрела на крест, потом на свои руки.– Он тянет к тебе. А меня вниз.

«Ирина подошла к печи. Старая русская печь, побелённая...»

Ирина подошла к печи. Старая русская печь, побелённая, с закопчённым устьем, всегда была для неё сердцем дома. Над устьем, на полочке, стояли в ряд деревянные ложки. Разные: большие и маленькие, с выжженным узором и просто тёмные от времени. Бабушка всегда говорила, что у каждой ложки в доме свой характер и своё место. Если ложка падает со стола, значит, кто-то в родне голоден или обижен.

Ирина сняла с гвоздя старый ватник, сунула руку в карман. Пуговица, которую она нашла год назад на пороге, костяная, с двумя дырками, была ледяной. Но сейчас, в тепле

избы, она начала оттаивать. Лёд на ней таял, и по пальцам Ирины потекла холодная вода, хотя в доме было жарко. Она достала пуговицу и положила на стол рядом с крестом. Металл и кость. От обеих шёл один и тот же жар, не печной, а живой.– Они одинаковые, – сказала Аня. – Я чувствую. Они как муж и жена. Или как мать и дитя.– Это не пуговица, – сказала Ирина. – Это метка. Как и крест.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.